

УДК 94(47+57)
DOI 10.17223/19988613/44/6

В.М. Кореньюк, А.Б. Суслов

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЕТЕЙ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РОДИТЕЛЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ МОЛотовСКОЙ ОБЛАСТИ)

Рассматриваются особенности повседневной жизни детей, родители которых стали жертвами политических репрессий. Объект изучения – три наиболее значимых категории «социально опасных» детей: тех, чьи родители были осуждены по политическим мотивам, тех, кто вместе с родителями был выслан на спецпоселение до и во время войны, и мобилизованные в трудовую армию несовершеннолетние, принадлежавшие к народам, признанным «враждебными СССР». У каждой изучаемой категории детей формировался свой образ жизни, обусловленный особенностями репрессивной части биографии. Исследуются особенности социально-бытового обустройства изучаемых социальных групп. Особое внимание уделяется выявлению отношения местного населения к «чужакам», получившим государственное клеймо «враг народа», «спецпоселенец» и т.п., а также особенностям ментальной повседневности детей, чьи родители были поражены в правах.

Ключевые слова: дети; повседневность; Великая Отечественная война; репрессии.

Проблематика истории повседневности все больше привлекает внимание историков. Повседневность детей репрессированных родителей в годы Великой Отечественной войны пока еще не становилась самостоятельным предметом изучения ученых, несмотря на то что имеется относительно большое количество исследований, затрагивающих как детство и детскую повседневность в данное время, например работы А.И. Назарова [1], М.В. Ромашовой [2], В.М. Кореньюк [3] и других авторов, так и советскую репрессивную политику, которая отражалась на детях, например работы В.Н. Земскова [4], П.Н. Поляна [5], А.Б. Сусллова [6] и др. Тем не менее особенности повседневной жизни детей, которые получили негативную социальную маркировку вследствие репрессий их родителей, в военные годы заслуживают специального рассмотрения. Дети, поневоле вовлеченные в водоворот повседневных практик массовых репрессий, по-особенному вспоминают тот период, запомнив его как яркое, наполненное неизвестностью событие в их жизни, которому тогда они не всегда могли дать объяснение.

В первую очередь следует отметить, что речь идет о трех наиболее значимых категориях «социально опасных» детей: тех, чьи родители были осуждены по политическим мотивам, тех, кто вместе с родителями был выслан на спецпоселение до и во время войны, и о мобилизованных в трудовую армию несовершеннолетних, принадлежавших к народам, признанным «враждебными СССР».

Массовые депортации, развернувшиеся в годы войны, стали продолжением политики разделения общества на «своих» и «чужих». Е.Р. Ярская-Смирнова провела социокультурный анализ нетипичности и пришла к выводу, что в России чужой – это символ неизвестного, нерешительного, опасного для социальной жизни человека. Понятия «мы» и «они» получают смысл из разделительной черты, которую они обслуживают. Чужаки нарушают это разграничение. Можно сказать, что они представляют оппозицию оппозиции. Чужак – это

не незнакомец, скорее, наоборот. Примечательной чертой чужаков как раз и является то, что они до определенной степени знакомы. Чужаки – не близки и не далеки от понятных всем людей. Они не являются ни частью «нас», ни частью «их». Они – не друзья, не враги. Поэтому они вызывают растерянность и беспокойство, тревогу [7. С. 14].

Заметим, что к «чужакам» на территории Молотовской области относили и эвакуированное население, людей, прибывших из других областей. В этом случае можно говорить о естественном формировании слоя «чужаков» в обществе, который со временем стирался, и «чужаки» превращались в «своих». Но можно заметить и искусственное, навязанное государством, деление общества на «своих» и «чужих». «Чужаками» становились те, кто получал государственное клеймо «враг народа», «спецпоселенец» и т.п.

Особенно сильно отторгалось обществом депортированное нерусское население. Новые категории депортированных начали прибывать в Молотовскую область с 1943 г. в дополнение к 56 317 трудпоселенцам, зарегистрированным на 1 января 1943 г., учтенным как «бывшие кулаки». Новые спецпоселенцы были, главным образом, из числа проживавших в Крыму народов, признанных «враждебными СССР» (крымские татары, греки, болгары, армяне), а также из семей реальных и мнимых участников сопротивления на Западной Украине, поставленные на спецучет как «оуновцы». На 1 апреля 1945 г. в Молотовской области насчитывалось 47 556 «бывших кулаков», 19 847 спецпереселенцев из Крыма и 1 043 «оуновцев»; в их числе более трети (25 655 чел.) были детьми [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 119. Л. 74; Д. 254. Л. 167, 186, 191, 234].

Прежде чем добраться сюда, многим семьям приходилось преодолевать большие расстояния. Дорога до Молотовской области для многих детей становилась настоящим испытанием. «Дорога на Урал оказалась очень тяжелой, – вспоминает В.К. Архипчев. – Не хватало воды, пищи. По-летнему одетых людей не могла

обогреть единственная стоявшая посредине вагона буржуйка. Как стирали, как меняли пеленки, готовили пищу, ходили в туалет – я до сих пор не понимаю» [9].

«Врагов народа» собирали на станциях, усаживали в вагоны, порой предназначенные для скота, с грязным от навоза полом. В.П. Черногор запомнил это так: «Приказали лезть в вагон и набили его полным лишенными прав людьми: взрослыми и детьми. Ехали очень долго, спали на навозном полу в несколько рядов по очереди, стелили на пол верхнюю одежду, и кто что взял с собой. Товарный вагон наглухо закрывали. И открывали один раз в сутки, чтобы попить, поесть и сходить в туалет. В результате такой перевозки дети и взрослые заболели, не хватало и еды. От сильного жара и духоты начали умирать дети и взрослые. Когда открывали вагон, то было видно людей без движения, т.е. мертвых, их выносили на очередной остановке поезда. Это нужно было увидеть и пережить» [10. С. 23].

Формально спецпоселенцы обладали всеми правами граждан СССР кроме свободы передвижения. Однако практически каждый, побывавший на спецпоселении, отмечал, что реальная дискриминация касалась не только свободы передвижения. Это могло касаться снабжения, предоставления каких-либо социальных услуг, оказания медицинской помощи и т.д.

Сказывалось и всеобщее усугубление жилищно-бытовых тягот населения в военное время. Для депортированных ситуация усугублялась тем, что они еще не успели обустроиться на новом месте и часто имели возможность получать всё жизненно необходимое только на предприятиях, куда их направили. Однако на более-менее удовлетворительное питание могли рассчитывать только работающие. Иждивенцы, в первую очередь дети, не могли получить какое-либо дополнительное питание, помимо основных карточек. А на карточный паек прожить было невозможно. Особенно неблагоприятная ситуация сложилась на предприятиях лесной промышленности. Так, в трестах «Комипермлес» и «Уралзападолес» в 1944 г. иждивенцы, в том числе дети, не получали ничего, кроме 200 г хлеба, поскольку карточки по другим продуктам почти не отоваривались из-за отсутствия продуктов в леспродторгах [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 120].

Положение спецпоселенцев Западного Урала было скорее типичным, чем исключительным. М.Н. Игнатова описывает примерно такую же ситуацию, сложившуюся в Республике Коми. Найденные ею документы свидетельствуют, что в спецпоселках часто не было даже хлеба и картошки, а о молоке, которое по нормативам полагалось детям, говорить не приходилось. Дети переселенцев питались только черным хлебом и горячей водой, как, например, в спецпоселках Прилузского района в 1944 г. Формально ответственность за питание ложилась на лесозаготовительные организации, в распоряжение которых поступали семьи спецпереселенцев. Однако лесозаготовительные тресты при распределении фондов для снабжения спецпересе-

ленцев не брали в расчет детей и нетрудоспособных (иждивенцев). Рабочие же в 1944 г. получали на месяц 1,8 кг мяса или рыбы, 0,4 кг жиров и 1,2 кг крупы и этим делились со всей семьей. Хорошо, если в семье было несколько работающих. А если работал один, а семья большая, то еды не хватало. От недоедания люди не только болели, но и умирали [11].

Депортированные, в том числе дети, были вынуждены жить в условиях скученности в малых пространствах, в плохо отапливаемых землянках и бараках, при нехватке лекарств, медикаментов и квалифицированных медицинских кадров. Доклады начальника Молотовского отдела спецпоселений за 1944 г. свидетельствуют об ужасающих материально-бытовых условиях жизни спецпоселенцев, депортированных в годы войны. Даже работающие крайне скудно снабжались одеждой, обувью, мылом и другими товарами первой необходимости. Иждивенцы же от предприятий не получали никаких промтоваров, одежды и обуви. По этой причине дети работников таких предприятий, как Соликамский бумкомбинат, тресты «Кизелшахтстрой», «Молотовнефтьстрой» и др., не могли посещать школы [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 121]. Следует добавить, что детскими вещами предприятия не обеспечивали и работающих спецпоселенцев. Детскую одежду можно было сшить только из вещей для взрослых.

Большая часть депортированных проживала в спецпоселках, отдельно от местного населения. Однако многих отправляли на проживание в колхозы и совхозы или даже расселяли среди колхозников при наличии свободного жилья. Даже проживавшие в спецпоселках не были полностью изолированы от местного населения, особенно дети, которые ходили в общие школы, испытывая неприязнь части окружающих к чужакам, тем более с ярлыком «оуновец» и т.п.

Другой группой отверженных были «дети изменников Родины». Такое зловещее словосочетание вошло в повседневный оборот еще с середины 1930-х гг. Часть таких детей после ареста родителей попала в детские дома. По оперативному приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. объектом репрессий становились жены «изменников родины» и их дети [12]. Жены «изменников родины» подвергались аресту на 5–8 лет. Дети старше 15 лет, признанные социально-опасными и способными к совершению антисоветских действий, размещались в лагерях, исправительно-трудовых колониях НКВД или в домах особого режима Наркомпроса. Грудные дети вместе с осужденными матерями направлялись в лагерь, по достижению одного года они передавались в детские дома и ясли. Детей в возрасте от одного года до 3 лет также размещали в детских учреждениях Наркомздравов республик в пунктах для осужденных. Детей в возрасте от 3 полных лет и до 15 направляли в детские дома Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и дальше от Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Мин-

ска, приморских и пограничных городов. В отношении детей старше 15 лет вопрос следовало решать индивидуально: все зависело от возраста, возможностей самостоятельного существования собственным трудом или возможностей проживания на иждивении родственников [13].

В годы войны появилась новая директива – секретное Постановление ГКО № 1926сс (т.е. «совершенно секретно») «О членах семей изменников родины» от 24 июня 1942 г., предусматривавшее, в частности, арест и ссылку в отдаленные местности СССР для семей «лиц, заочно осужденных к высшей мере наказания <...> за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории» [14].

Реальные и мнимые изменники выявлялись повсеместно. Так, пермский историк Е.А. Кобелева проанализировала 80 дел военного времени на «членов семей изменников родины», отложившихся в Информационном центре УВД Пермского края. По этим делам прошли и были осуждены Особым совещанием при НКВД 101 человек, в том числе 85 женщин. 58 из них имели несовершеннолетних детей, которые подлежали высылке вместе с матерями в Сибирь [15].

На «социально опасных» детей, достигших 16-летнего возраста, заводились следственные дела. В зависимости от выявленной степени опасности и возраста дети осужденных «изменников Родины» могли направляться в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД.

В отношении детей из семей «врагов народа», выявленных в годы войны, выстраивалась особая политика. В частности, они не имели возможности проживать в центральных городах страны и на приграничных территориях. Даже пребывая далеко от центральных городов и приграничных территорий, например на территории Молотовской области, эти дети находились под постоянным наблюдением со стороны НКВД. Со всех несовершеннолетних детей, родители которых признаны «изменниками Родины», районные отделы брали подписку о невыезде. Часто, подписывая документы, дети не понимали, что именно они подписывают, а некоторые дети порой не знали русского языка или не умели читать. Бывало и так, что дети сталкивались с давлением со стороны работников районных отделов НКВД, которое не в силах были выдержать. Так, З.Г. Диркс вспоминает: «Я пришла и на меня начали кричать, стучать кулаками, топтать ногами. Было их 4 или 5 человек. Давали подписывать какие-то бумажки и постоянно торопили. Только спустя несколько лет я узнала, что тогда подписала приговор, по которому я попадала на каторгу без суда и следствия»¹.

Направленные в детские дома проходили свои «круги ада». Дети «врагов народа» вспоминают о том, как происходило их распределение в детских приемниках. В.З. Шевченко вспоминает: «В г. Сталино в детском приемнике-распределителе было ужасно. Весь очень большой двор был забит детьми, сидящими на

чемоданах. В помещениях детского приемника помещались только совсем маленькие. Стоял сплошной вой, так как въезжающие машины отправляли детей по разным детским домам, причем так, чтобы не попали вместе братья и сестры. Вот поэтому и ревели разлученные дети» [16. Ф. 2. Оп. 131. Д. 1. Л. 3].

Трофимова вспоминает о детприемнике так: «Высокое, почти трехметровое здание, метровый забор, охрана с собакой. Вот такое помещение, это даже не помещение, это ограда была. Там и было общежитие. Комната девичья была, в которой помещались и уголовные, как их тогда называли, и политические. Комната человек на 15»². Чаще всего такие дети отправлялись на обучение в школы ФЗО, ремесленные училища, распределялись в колхозы.

Кроме того, довольно часто дети, родители которых были признаны изменниками Родины и арестованы, переходили на попечение к родственникам, если те не боялись взять в свою семью такого ребенка. Принадлежность к ЧСИР (Член семьи изменника Родины) старались тщательно скрывать, но не всегда это удавалось. Тяжелее всего приходилось детям, которые не могли ничего сказать о своих настоящих родителях. «От всех окружающих сведения о моих родителях тщательно скрывались, никто не знал, что я сын репрессированных «врагов народа», – свидетельствует Е.А. Мочилин. – Я был сыном Гольдштейн Сарры Ефимовны, тети Сарры, а отца своего не помнил. Такая версия излагалась во всех написанных мною автобиографиях и заполненных анкетах. Это был тяжкий крест, который приходилось нести во избежание различных ущемлений и репрессий» [17]. Особой категорией детей, получивших социальную метку «врагов», стали 16–17-летние трудармейцы. На их долю выпало тяжелое испытание: жить и работать в тех же условиях, что и взрослые, чаще всего в отрыве от своих семей. С 1942 г. начались трудовые мобилизации советских граждан тех национальностей, которые официально были признаны враждебными советскому народу. Большую часть из них составили советские немцы, меньшую – финны, румыны и калмыки. Подавляющее их большинство ранее было депортировано за Урал. В отличие от многочисленных трудовых мобилизаций военного времени эти проводились под эгидой НКВД. Мобилизации подлежали трудоспособные мужчины и женщины начиная с 16-летнего возраста. На территории Молотовской области в годы войны трудились более 40 тыс. трудмобилизованных. Только на 1 января 1944 г. здесь числились 33 787 «мобилизованных немцев» [6. С. 233].

Приблизительное представление о доле детей в составе трудмобилизованных дает анализ выборки из 1 149 трудармейцев, содержавшихся в Усоллаге. 2,7% от этой выборки составили несовершеннолетние [Там же].

Условия труда и быта трудмобилизованных зависели в первую очередь от предприятий, где использовали их труд. Проживали трудармейцы в бараках на зонах

при предприятиях, часть – в лагерях НКВД, отдельно от заключенных. Охрана состояла из самих мобилизованных и не была вооружена.

Показательно, что в снабжении трудармейцы уравнивались с заключенными. Так, приказ НКВД от 12 января 1942 г. предусматривал обеспечение мобилизованных питанием и промтоварами «по нормам, установленным для ГУЛАГа» [8. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 110. Л. 10 об]. Тот же подход, уравнивающий питание «свободных» трудармейцев с заключенными, подтверждался инструкцией НКВД от 4 марта 1944 г., устанавливающей, что «питание мобилизованных немцев производится по дифференцированным нормам лагерных контингентов в соответствии с действующими приказами НКВД СССР» [Там же. Д. 171. Л. 111].

Предприятия, куда были направлены трудармейцы, относились к ним в первую очередь как к рабочей силе, часто не проявляя заботы о жизненно важных потребностях людей, не разбирая их пол, возраст и т.д. Вот только несколько примеров из многочисленных сводок неблагополучия, наглядно характеризующих быт трудармейцев в Пермской области в августе–сентябре 1943 г. На Югокамском заводе Наркомнефти из 550 немцев половина не имели сменной одежды, 27 выходили на работу босыми, накалывали ноги, что при отсутствии медицинской помощи вело к постоянным нарывам; мыла мобилизованные не получали пять месяцев, карточки отоваривались на 60%, неумолимым следствием чего становилось истощение. Мобилизованных на Кунгурский машзавод разместили в неотстроенном бараке, где через щели в стенах задувал ветер, постельных принадлежностей и одеял не выдали, поэтому люди вынуждены были укрываться платками, пальто и телогрейками, многие ходили без обуви. 463 немцы, мобилизованные на секретный завод № 260 Наркомата боеприпасов, разместились в необорудованных землянках с протекавшими крышами, многие из них спали на голых нарах или подстилали под себя рабочую одежду [Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 1, 2, 3, 19, 20].

Бесчеловечное обращение с трудармейцами иногда дополнялось явной дискриминацией, связанной с созданным «образом врага». Так, в августе 1943 г. в столовой лесозавода Соликамского бумкомбината обеды немцам отпускали в последнюю очередь и без вторых блюд. Начальник второго стройучастка Марговский раздавал талоны на дополнительное питание, предназначавшиеся для немцев, другим рабочим и заключенным, заявляя: «Вам, немцам, дополнительное питание не полагается» [8. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 21]. Руководитель Баскаковской геологоразведочной партии Шунькин выдавал продкарточки и спецодежду только вольнонаемным, отказывая голодающим и мокнувшим в неутепленных палатках трудармейцам [Там же. Л. 1]. Депортированные немцы остро чувствовали несправедливость и унижение. Они ощущали, что к социальной дискриминации добавляется и национальная. Пе-

реселенная из Крыма в Коми АССР Э.Ф. Мешалкина вспоминает: «Жители приняли нас недоброжелательно: немцы приехали!»³.

И.И. Моярд, мобилизованный в трудармию в 15-летнем возрасте, встречался с разным отношением: «Мастера относились к нам с пониманием. Потому что их самих в 1932 г. раскулачили <...>, поэтому и понимали нас. В отличие от местных. Некоторые из них были, как звери. Кричали нам: “Эй ты, фашист! Воюешь против нас!” Не понимали: я же в Советском Союзе родился! <...> Для них мы были фашистами» [18].

Поразительно, что идейная обработка населения оказывала на часть трудмобилизованных настолько сильное влияние, что позволяла нивелировать ощущение несправедливости и забыть о лишениях. Характерны воспоминания Ф.К. Граф, которая описывает, как мобилизованные в трудармию молодые немцы на следующий день после приезда к месту работы в г. Краснокамск в необустроенном бараке «устроили собрание, на котором приняли решение, что будем работать так, как наши бойцы воюют на фронте, покажем, на что мы способны» [19].

Дети «врагов народа» по-особенному воспринимали город и пространство, в котором они проживали. Как и у других детей, в их памяти о городе отложились воспоминания о бараках и коммуналках, о дворовых компаниях, о местах, где проживали их друзья. Но для детей «врагов народа» воспоминания о городе связаны также со сценами обысков и арестов близких родственников и местами заключения родителей. Г.П. Закарая рассказывала о том, как ходила каждый день к тюрьме НКВД (ныне – Театр кукол) посмотреть на своего отца. «Я ходила к этому театру с мамой смотреть на папу, как он там что-то строил»⁴. Л.Я. Казенович вспоминает об этом же месте: «Все, что я помню, – это высоченный забор, где Театр кукол сейчас, высоченный под два метра, а то и выше. Каждый раз, когда мы там были, я заглядывала туда через дырку в заборе, посмотреть, что там происходит»⁵.

Отсутствие нормальных дорог в городе, недостаток общественного транспорта – этого нет в детских воспоминаниях. Дети «врагов народа» об улицах города вспоминают лишь так: «на улицах города никакого транспорта, кроме как “воронков”-то и не было»⁶.

Жизнь детей «врагов народа» в сельской местности, если их родителей отправляли туда для работы в колхозах, складывалась спокойнее по сравнению с городом. Однако в памяти респондентов сохранились и болезненные воспоминания. Например, А.В. Бушуева рассказывает об этом так: «Дети принимали нас как изгоев... Мы стояли у стеночки, каждый деревенский подошел, дернул за форму: “Ой-ой”. Мы были городские, деревня раньше очень отличалась от города. Разница была очень большая между городскими и деревенскими жителями. Так вот эти деревенские, они в лаптях все были, ходили в лаптях» [20. С. 258]. Судя по всему, в данном случае отторжение детей было связано

не с клеймом «враг народа», а с существовавшими колоссальными социокультурными различиями между городским и сельским населением. Судя по ряду воспоминаний, в деревне быстро распространялась информация о прибывших спецпоселенцах и о семьях, причисленных к «врагам народа», однако стойкого неприятия со стороны населения к таким семьям в деревнях и поселках не было.

Как и все, дети из «социально опасного контингента» должны были получать образование. Проживающие на территории спецпоселений дети имели возможность посещать школу. Правда, она часто располагалась довольно далеко от спецпоселков. На это, в частности, обращает внимание В.П. Черногор: «Начальную школу закончили на спецпоселении, так как школа при бараках рассчитана была на четыре класса. В пятый класс мы пошли в селе Красное, находившееся в семи километрах. В то время машин не было и нам приходилось пешком добираться до школы, переезжая через реку с помощью лодки» [10. С. 23].

В школе дети «врагов народа» зачастую испытывали неприязнь как со стороны учителя, так и со стороны учащихся. Их часто садили на заднюю парту. В.П. Черногор на себе испытала подобное отношение. «Я плохо видела, очков не было, — вспоминает она. — Я просилась, чтобы меня пересадили с последней парты на первую. Однако к моим мольбам учителя не прислушивались. Мне приходилось после уроков переписывать то, что записывали на классной доске» [Там же]. Л.Ф. Горбач вспоминает, что ей приходилось во время уроков стоять в конце класса, и только за хорошее поведение им разрешали сесть за последнюю парту⁷. Н.М. Мальцева рассказывала: «Учились мы в административном поселке вместе со свободными ребятами. Я была единственная такая девочка в классе, меня звали вражинкой. Я еще долго не понимала почему, у мамы спрашивала» [21].

Преподаватели порой очень явно демонстрировали свое негативное отношение к детям «врагов народа», употребляя оскорбления и обвинение по отношению к ним как в военный, так и послевоенный период. Так, Б.П. Дроздов поделился таким воспоминанием об учителе: «Запомнилось, как в 9-м классе одна очень “деятельная” учительница (парторг школы) пыталась обвинить меня в распространении антисоветской агитации» [22. С. 32].

Однако сама возможность продолжать обучение многими детьми воспринималась как подарок судьбы, хотя многие респонденты о первых годах обучения вспоминают как о трудном адаптационном периоде. Некоторые сталкивались и с языковым барьером, так как, побывав за годы войны в разных республиках, не успевали выучить новые языки, но при этом стали забывать свой родной. В итоге дети иногда испытывали затруднения не только в общении, но и в подборе слов. «В голове возникала путаница, — вспомнила З.Г. Диркс. — Я хотела отпроситься в туалет, вместо

этого отпросилась в “аботреск”. Видимо, произнесла одно и то же слово на разных языках. Надо мной очень долго смеялись»⁸.

Питание детей «врагов народа» вне территории спецпоселков зависело от места проживания семьи и ее доходов. Семьи, в которых имелся собственный приусадебный участок, могли выращивать продукты питания самостоятельно. В сельской местности люди могли держать скотину, которая позволяла им пережить военные тяготы. Дети «врагов народа», проживавшие в городе, вспоминают о том, как их жизнь зависела от продуктовых карточек. Так, Л.Ф. Адашева рассказывает: «Когда я карточку потеряла, боже мой, какой был кошмар!»⁹. Однако отоварить карточки было не так просто. Часто в магазинах отсутствовали крупы, макароны, керосин. Выданную норму хлеба некоторым семьям приходилось «растягивать». Далеко не все дети могли понять, зачем сохранять кусочек хлеба до вечера, когда так хочется есть. «Мама дает кусочек хлеба и говорит, хочешь сейчас ешь, хочешь на потом оставь, а брат: “Я щас все съем!”», — рассказывает Г.П. Закарая¹⁰. Многие респонденты вспоминают о том, что приносили хлеб и булочки из школьной столовой, чтобы порадовать и накормить своих близких. Так, З.Г. Диркс вспоминает о свежих, хрустящих, ароматно пахнущих булочках, которые им выдали в школе в честь Дня Победы, которые она с невероятным трепетом завернула в носовой платок и отнесла домой, чтобы со всеми поделиться¹¹.

Одежда детей была простой. Как отмечают респонденты, несмотря на наличие журналов с разделами о моде и шитье, никакой детской моды не было, многие дети были вынуждены носить ту одежду, которая имела в семье. Часто одежда передавалась от старших братьев и сестер, перелицовывалась из старой одежды или подручных материалов. Например, рубашка трудармейца могла послужить основой нового детского платья, которое оставалось только покрасить. Из старого одеяла могли сшить детское пальто, украсив его кусочками цветной ткани¹².

С обувью, как и с одеждой, возникали проблемы не только у детей «врагов народа». Обеспеченность одеждой и обувью не зависела от числа репрессированных, работающих на предприятии. А если учесть, что обуви не хватало всему населению Молотовской области, то приходилось самостоятельно валять для своих детей валенки или брать обувь у других. Среди воспоминаний респондентов встречается мнение, что некоторые элементы одежды и прически приближали их к миру взрослых. Конечно, это было детское восприятие, которое объяснялось изменениями их внешнего облика. Н.Г. Бардина вспоминает: «Надела новенькое ситцевое платье, которое мы сшили вместе с мамой. И босоножки одела коричневые, новенькие, на невысоком каблучке, в то время их называли венскими. И еще надела нитку кораллов. Свои пышные густые волосы я не заплела в косу на этот раз, а сделала большой узел на

затылке. Во время войны мы почувствовали себя взрослыми, и я уже несколько раз делала прическу» [16. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 6].

Ментальная повседневность детей, чьи родители были поражены в правах, имела определенные особенности. В отличие от других категорий детей, дети «врагов народа» боялись не только войны и того, что с ней связано (в этом они не отличались от респондентов других категорий), они боялись потери близких из-за преследования властей, испытывали страх быть наказанными. Большое количество воспоминаний связано со страхами, вызванными переживаниями во время ареста родных. Так, К.К. Белоусова отмечает, что ей до сих пор трудно вспоминать арест отца: «Это люди, они же приходят ночью. Было три человека. Возятся, какие-то бумаги летят, кошка лезет от страха на окна, мы трое плачем. Так страшно!»¹³.

Арест родителей накладывал отпечаток на дальнейшую жизнь детей, во многом отражаясь на их психическом состоянии. Дети становились более замкнутые, пугливые, испытывали постоянный страх наказания и презрения со стороны общества. И это объяснимо. В одночасье они становились «вне советского общества», многие были вытеснены из привычного круга общения из-за клейма «враг народа».

В своем исследовании Ю.В. Щербатых пришла к выводу, что люди, столкнувшись с серьезным конфликтом, стремились выжить любой ценой. При социальном и биологическом конфликте (а война требовала постоянной борьбы человека за выживание биологического вида как такового), конфликт переживался еще более сильно. Человек, переступая через социальные стандарты, чувствовал себя некомфортно и униженно, что являлось разрушительным для человека» [23. С. 234].

В отличие от других детей, «дети врагов народа» чувствовали, что могут понести наказание не только за плохую учебу или плохое поведение, что являлось совершенно нормальной повседневной практикой для ребенка. Наказание со стороны властей их пугало гораздо больше. Этот страх наказания формировала атмосфера террора. Так, К.К. Белоусова обратила внимание, что в детстве она очень боялась быть наказанной. Это ощущение навевала жизнь в городе. В своих воспоминаниях она подчеркивает, что «уже в сентябре 1937 г. было арестовано 200 тыс. человек»¹⁴. Явно завышенные представления о масштабе репрессий, противоречащие известной сегодня статистике, свидетельствуют о невероятном страхе быть наказанной и оказаться среди колоссального числа виновных. Также она отметила, что чувство страха не давало ей спокойно спать ночью, так как все время ждала, что вот-вот появится «воронок».

Дети, прибывшие на территорию Молотовской области, видевшие своими глазами устрашающие картины войны, имели совершенно иное о ней представление. Испуг, пережитый ими до этого, оказывал влияние

на их дальнейшую жизнь. Дети видели военную технику, поезда, оружие, т.е. все то, чего они до этого никогда не видели. Так, в памяти З.Г. Диркс запечатлелось железное чудовище, которого тогда 5-летняя девочка испугалась: «В Стульнево я увидела «железное чудовище» – вагон и железную дорогу. Я была очень напугана этим зрелищем, да и шумом едущего паровоза тоже». Не меньшее впечатление на нее произвел танк: «Под вечер въехали три танка. Нам не разрешали выходить, а мы как увидели красные звезды, то под крик «Ура!» побежали. И тут дуло танка начало медленно направляться на меня. Внутри все замерло, было очень неприятное ощущение»¹⁵.

Военные реалии открывали для детей совершенно новый и очень жестокий мир. Человеческие взаимоотношения искажены войной. Человек словно потерял свой человеческий облик. «Биологическое» брало верх над «социальным», порождая насилие, жестокость по отношению как к «врагам», так и к «своим». Военные годы оголили перед детским взором жестокость взрослых. З.Г. Диркс вспоминает: «Было много насилия. Помню, как мамину сестру изнасиловали. И все следующие сорок лет она думала о том, что у нее будет ребенок. Было психологическое расстройство. После того, как она умерла, мы нашли детское приданое, которое она готовила для своих детей»¹⁶.

В.М. Дементьев пишет, что в военные годы «видел и ничем не оправданную жестокость и изуверство», и общее ожесточение проникало в подростковую среду. Он описывает эпизод, за который ему «до сих пор стыдно»: «Во время войны пригнали на “трудовой фронт” узбеков (так мы их называли) и разместили их в бараках в Ладейном логу. Мы, мальчишки, их презирали за то, что они копили деньги, продавая свою и без того маленькую пайку хлеба, а как следствие многие опухали с голоду и умирали, оставляя деньги спрятанными в цветных халатах. (Мы не понимали, что они думали о родных, собирая деньги, надеясь помочь им). Развлекались пацаны, натягивая поперек их дороги проволоку, а они, опухшие от голода, запинаясь за нее и падали на землю... Мы, дети “врагов народа”, сироты, пользовались предоставленной свободой, а в округе были зоны, лагеря с заключенными...» [24].

Как замечают И.Т. Касвин и С.П. Щавелев, крайней и последней формой антиповседневности выступает смерть человека [25. С. 95]. Именно воспоминания о смерти пронизывают рассказы респондентов военного и послевоенного времени. Однако среди детей «врагов народа» наблюдается довольно нестандартное отношение к смерти. Если все остальные дети говорили, что боялись смерти и трупов, то для некоторых детей «врагов народа» смерть воспринималась как неотъемлемая часть жизни. Так З.Г. Диркс помнит, «как она радовалась красивому, фиолетовому платишку: «Целый день я проходила в нем, и только вечером меня уговорили его снять. Я его сняла и испугалась... Все тело было синим. Я спросила у мамы: “Я что, умираю?” Надо

мной очень смеялись и долгое время подшучивали: «Зельма, ты еще не умираешь?»¹⁷. Н.Г. Бардина вспоминает: «Мне волосы были дороги. Жизнь – нет, а вот волосы было жаль... Было какое тупое безразличие и нечто вроде любопытства – убьют или нет?» [16. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 15, 18]. Подобный вызов смерти мог быть обоснован психологическим напряжением, вызванным войной. И это отражается в эмоциях очевидцев событий, Н.Г. Бардина делится своими ощущениями: «Моя жизнь была спрессована до предела, и оттого страха возможно близкой смерти – не было» [Там же. Л. 18].

У некоторых детей смерть вызывала нездоровый интерес. Так, один из респондентов, просивший не называть свое имя, отметил, «что они с мальчишками тайком бегали к железной дороге, чтобы посмотреть на трупы»¹⁸. Конечно, родители пытались уберечь детей от подобных зрелищ. Но дети, так или иначе, сталкивались с подобными картинками. Именно поэтому в воспоминаниях респондентов мы можем встретить страх перед мистическими историями о призраках умерших людей, о боязни заглянуть в гроб, где покоится, например, их родственник или друг семьи.

Ф. Арьерс заметил, что если «умирание представляет собой процесс или, по крайней мере, акт, вокруг которого неизбежно складывается некий социокультурный контекст, то и у смерти получается своя страшная, но и величественная, трагическая повседневность» [26. С. 93]. Именно с такой трагической повседневностью сталкивались семьи «врагов народа». Многие до сих пор не знают, где похоронены их родители, и это представляет для многих семей настоящую трагедию. Тем, кому удалось это узнать, по мнению ряда репрессированных, «несказанно повезло». Смысл этого везения К.К. Белоусова передала фразой: «Я могу приехать к нему»¹⁹.

Для семьи «врага народа» признание смерти их родственника имело большое значение. Поиски мест захоронения многими семьями продолжают до сих пор. Причину подобного желания объясняет философ М. Мамардашвили: «Есть, например, смерть. И есть мертвая смерть. Между ними большая разница. Любой уход из жизни должен быть публичным, публично названным и известным. Тогда эта смерть, участвующая в жизни. Ведь даже из отрицательного можно что-то извлечь, зерно для души и смысла. А вот из неназванного ничего сделать нельзя. Это разрушает созна-

ние и души даже больше, например, чем война» [27. С. 63]. Именно поэтому для многих детей тогда и сейчас поиск своих близких становится смыслом жизни.

Охарактеризовать внутренний мир ребенка, передать его восприятие мира позволяет анализ не только его страхов, но и его мечты. Дети погружались в мир фантазий, представляя то, чего им не хватало в реальности. Особое место занимали мечты об окончании войны. Дети «врагов народа» вкладывали в ее завершение особый смысл. Они верили, что с окончанием войны их близких оправдают и они смогут начать жить новой жизнью. Для большинства детей мечта об их реабилитации в обществе, возвращении доброго имени их семье и им самим перерастала в цель всей жизни. Для большинства детей, потерявших родителей, было крайне важно их найти. Конечно, мечты о воссоединении семьи занимали умы многих детей и не только детей «врагов народа».

Анализируя повседневные реалии детей «врагов народа», можно выделить несколько специфических особенностей, отличающих их от жизненных реалий других категорий детей. Клеймо «враг народа» влияло на получение образования, общение со сверстниками и взрослыми. Жизнь таких детей была пропитана страхом наказания, так как они были под постоянным контролем со стороны государства. Возникающие проблемы при общении со сверстниками и взрослыми, частый отказ от близкого общения провоцировали у таких детей выработку комплекса неполноценности. Дети сталкивались с искусственно созданным образом врага, в результате чего клеймо «враг народа» разделило для них общество на две группы: тех, кто не боялся преступить через официально установленные границы дозволенного, и тех, кто принимал решение о самосохранении и защите своей семьи путем наименьшего сопротивления государству.

Бытовые же реалии детей «врагов народа» отличались лишь незначительно от других категорий. Как и у всего населения, уровень жизни детей зависел от финансовых возможностей семьи, наличия или отсутствия своего приусадебного участка и места проживания. Наконец, несмотря ни на что, дети оставались детьми. Как вспоминал о жизни детей в спецпоселке В.М. Дементьев, «несмотря на военное время, мы жили своей жизнью и радовались, что живем: летом целыми днями пропадали на реке Косьва, рыбачили... купались» [24].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервью с З.Г. Диркс. Записано В.М. Коренюк. Сентябрь 2007 // Личный архив В.М. Коренюк.

² Интервью с Трофимовой. Записано И. Островской. Ноябрь 2005 // Личный архив И. Островской.

³ Интервью с Э.Ф. Мешалкиной. Записано А.М. Калихом // Личный архив А.М. Калиха.

⁴ Интервью с Г.П. Закараей. Записано В.М. Коренюк. Май 2008 // Личный архив В.М. Коренюк.

⁵ Интервью с Л.Я. Казенович. Записано В.М. Коренюк. Ноябрь 2009 // Личный архив В.М. Коренюк.

⁶ Интервью с К.К. Белоусовой. Записано И.А. Астаховым. Август 2010 // Архив Центра устной истории и визуальной антропологии ПГГПУ.

⁷ Интервью с Л.Ф. Горбач. Записано В.М. Коренюк. Июнь 2008 // Личный архив В.М. Коренюк.

⁸ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.

⁹ Интервью с Л.Ф. Адашевой. Записано И.А. Астаховым. Август 2009 // Архив Центра устной истории и визуальной антропологии ПГГПУ.

¹⁰ Интервью с Г.П. Закараей. Указ. соч.

¹¹ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.

- ¹² Там же.
¹³ Интервью с К.К. Белоусовой. Указ. соч.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Интервью с З.Г. Диркс. Указ. соч.
¹⁸ Интервью с N (имя не называется по просьбе респондента). Записано В.М. Коренюк. Апрель 2013 // Личный архив В.М. Коренюк.
¹⁹ Интервью с К.К. Белоусовой. Указ. соч.

ЛИТЕРАТУРА

- Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 205 с.
- Ромашова М.В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: Государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 211 с.
- Коренюк В.М. Изменение повседневной жизни детей в городах Молотовской области в годы Великой Отечественной войны // Успехи современной науки. Белгород, 2016. № 2 (1). С. 91–95.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2003.
- Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
- Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) М. : РОССПЭН, 2010. 424 с.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ).
- Архапчев В.К. Потому и выжили. URL: <http://kniga.pmem.ru/6-16-potomu-vyzhili.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
- Книга памяти репрессированных. Лангепас : Пресс-Информ ТВ, 2005. 50 с.
- Игнатова М.Н. Социально-бытовое устройство спецпереселенцев «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. URL: http://www.pokayanie-komi.ru/martiolog/martiolog_t1/ignatova_soc_byt_ustroystvo, свободный (дата обращения: 25.04.2016).
- Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370815.htm>, свободный (дата обращения: 12.06.2015).
- ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. Россия XX век. Документы. Состав.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Научный редактор: В.Н. Шостаковский. Международный фонд «Демократия», 2000. URL: <http://lib.rus.ec/b/266726>, свободный (дата обращения: 12.06.2015).
- Постановление ГКО от 24 июня 1942 года № ГКО-1926сс «О членах семей изменников Родины» // Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М. : МФД, 2002. С. 379–380.
- Кобелева Е.А. Члены семей «изменников Родины» в Молотовской области 1941–1945 гг. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/ast/af/evs/kie/3.htm#1>, свободный (дата обращения: 12.06.2015).
- Архив Международного общества «Мемориал».
- Мочилин Е.А. Судьба и жизнь. URL: <http://kniga.pmem.ru/2-8-sudba-zhizn.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
- Моярд И.И. Во всем виновата фамилия? URL: <http://kniga.pmem.ru/2-31-vo-vsem-vinovata-familiya.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
- Краснокамская звезда. 1991. 31 авг.
- Дорогами войны. Воспоминания ветеранов фронта и тыла, дети войны : сб. интервью / сост. Л.М. Андреева, Т.А. Гаузова, Г.Д. Селянинова. Пермь, 2010. Вып. 2.
- Мальцева Н.М. Меня звали вражешкой. URL: <http://kniga.pmem.ru/1-26-menya-zvali-vrazhinkoj.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
- Годы террора: книга памяти жертв политических репрессий. URL: <http://kniga.pmem.ru/2-50-hozhdenie-po-mukam.htm>, свободный (дата обращения: 08.08.2016).
- Щербатых Ю.В., Ивлева И.Е. Психологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж, 1998.
- Дементьев В.М. Невольники двадцатого века. URL: <http://kniga.pmem.ru/1-7-nevolniki-dvadcatogo-veka.htm>, свободный (дата обращения: 27.07.2016).
- Касвин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.
- Арьерс Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. СПб., 2011.

Koreniuk Valentina M. School № 9 (Perm, Russia). E-mail: loskina_tina@mail.ru; *Suslov Andrei B.* Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia). E-mail: absuslov@gmail.com

EVERYDAY LIFE OF CHILDREN OF "ENEMIES OF THE PEOPLE" DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE CASE OF THE MOLOTOV REGION.

Keywords: everyday life; children; Great Patriotic War; repression.

The article focuses on the features of the everyday life of children whose parents were victims of political repression. Chronological framework of the study is limited to the period of the Great Patriotic War (1941–1945). The study was mainly conducted on the materials of the Molotov region (Perm region nowadays). The objects of the study are the three most significant categories of “socially dangerous” children: those whose parents were convicted for political reasons, those who with their parents were deported to special settlements before and during the war, and mobilized to the labor army minors, belonged to peoples, recognized as “hostile to the USSR”. The authors discuss the features of the welfare of the social groups in question, in particular, providing them with food, clothing and other vital things. Special attention is paid to identifying local attitudes towards “outsiders”, that have received the state stigma of “enemy of the people”, “deportees”, etc. The authors present numerous facts of discrimination against children of “enemies of the people”. The authors also draw attention to features of the perception of those children in cities and the countryside where they lived. In particular, it is stated that their life in the countryside generally was quieter than in the city. Special attention is paid to the mental peculiarities of everyday life of children whose parents were suppressed in their civil rights. Unlike other categories of children, the children of “enemies of the people” were afraid not only of the war and that was connected with it. They were also afraid of losing loved ones because of the persecution of the authorities. A large number of memories associated with fear were caused by experiences during the arrest of relatives. Children “of enemies of the people” were afraid to be punished. Unlike other children, they felt that they may be punished not only for poor schoolwork or bad behavior. Punishment from the authorities frightened a lot more. This fear of punishment was formed by the atmosphere of terror. In addition, the authors draw attention to the impact of frightening pictures of war seen by the children on their perception of the world. Analyzing the everyday realities of the children of “enemies of the people” in wartime, the authors

identify some specific features that distinguish them from the realities of other children's life. The stigma of "enemy of the people" affects the education, communication with peers and adults. The life of these children was impregnated with the fear of punishment, since they were under constant control by the state. Problems in communication with peers and adults, frequent failure and preach provoked such children developing an inferiority complex. The children were faced with an artificially created image of an enemy, with the result that the stigma of "enemy of the people" divided their society into two groups: those who are not afraid to break through the officially established boundaries, and those who made the decision on self-preserved and protecting his family with least resistance to the state.

REFERENCES

1. Nazarov, A.I. (2010) *Povsednevnyaya zhizn' molodezhi v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941 – 1945 gg. (na materialakh Tambovskoy oblasti)* [The daily life of young people in the Soviet rear during the Great Patriotic War 1941–1945. (A case study of Tambov Region)]. History Cand. Diss. Tambov.
2. Romashova, M.V. (2006) *Sovetskoe detstvo v 1945 – seredine 1950-kh gg.: Gosudarstvennye proekty i provintsial'nye praktiki (po materialam Molotovskoy oblasti)* [Soviet childhood in 1945 – the mid-1950s: State projects and provincial practices (a case study of Molotov Region)]. History Cand. Diss. Perm.
3. Korenyuk, V.M. (2016) *Izmenenie povsednevnoy zhizni detey v gorodakh Molotovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Changing the daily life of children in the cities of Molotov Region during the Great Patriotic War]. *Uspekhi sovremennoy nauki – Modern Science Success*. 2(1). pp. 91-95.
4. Zemskov, V.N. (2003) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Deportees in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka.
5. Polyan, P. (2001) *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not by choice . . . History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow: OGI-Memorial.
6. Suslov, A.B. (2010) *Spetskontingent v Permskoy oblasti (1929–1953 gg.)* [Special contingent in the Perm region (1929–1953)]. Moscow: ROSSPEN.
7. Yarskaya-Smirnova, E.R. (1997) *Sotsiokul'turnyy analiz netipichnosti* [A sociocultural atypicality analysis]. Saratov: Saratov State Technical University.
8. *The State Archives of the Russian Federation* (GARF).
9. Arkhapchev, V.K. (n.d.) *Potomu i vyzhili* [That is why we survived]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/6-16-potomu-vyzhili.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
10. Tkachenko, G.A. (ed.) (2005) *Kniga pamyati repressirovannykh* [The Book of Memory of the Repressed]. Langepas: Press-Inform TV.
11. Ignatova, M.N. (n.d.) *Sotsial'no-bytovoe ustroystvo spetspereselentsev "byvshikh kulakov" v seredine 1930-kh – 1950-e gg.* [The social and domestic organization of special settlers from "former kulaks" in the mid-1930s – 1950s]. [Online] Available from: http://www.pokayanie-komi.ru/martiolog/martiolog_t1/ignatova_soc_byt_ustroystvo. (Accessed: 25th April 2016).
12. The People's Commissariat for Internal Affairs of the USSR. (1937) *Operativnyy prikaz narodnogo komissara vnutrennikh del SSSR № 00486 ot 15 avgusta 1937 g.* [Operation Order of People's Commissar of Internal Affairs of the USSR № 00486 of August 15, 1937]. [Online] Available from: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370815.htm>. (Accessed: 12th June 2015).
13. Shostakovskiy, V.N. (2000) *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey), 1917–1960* [GULAG (Main Camp Administration), 1917–1960]. [Online] Available from: <http://lib.rus.ec/b/266726>. (Accessed: 12th June 2015).
14. Vilenskiy, S., Kokurin, A., Atmashkina, G. & Novichenko, I. (eds) *Deti GULAGa. 1918–1956* [Children of the Gulag. 1918–1956]. Moscow: MFD. pp. 379-380.
15. Kobeleva, E.A. (n.d.) *Chleny semey "izmennikov Rodiny" v Molotovskoy oblasti 1941–1945 gg.* [The members of the "traitors" families in Molotov Region, 1941–1945]. [Online] Available from: <http://www.booksite.ru/fulltext/ast/afi/evs/kie/3.htm#1>. (Accessed: 12th June 2015).
16. The Archive of the International Society "Memorial".
17. Mochilin, E.A. (n.d.) *Sud'ba i zhizn'* [The fate and life]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/2-8-sudba-zhizn.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
18. Moyard, I.I. (n.d.) *Vo vsem vinovata familiya?* [The surname is to blame?]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/2-31-vo-vsem-vinovata-familiya.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
19. *Krasnokamskaya zvezda*. (1991) 31st August.
20. Andreeva, L.M., Gauzova, T.A. & Selyaninova, G.D. (eds) (2010) *Dorogami voyny. Vospominaniya veteranov fronta i tyila, deti voyny* [Roads of War. Memories of veterans of front and rear, children of war]. Perm: Perm State Pedagogical University.
21. Maltseva, N.M. (n.d.) *Menya zvali vrazhinkoy* [They called me a little enemy]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/1-26-menya-zvali-vrazhinkoj.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
22. Droszdov, B.P. (n.d.) *Khozhenie po mukam* [The Road to Calvary]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/2-50-hozhdenie-po-mukam.htm>. (Accessed: 8th August 2016).
23. Shcherbatykh, Yu.V. & Ivleva, I.E. (1998) *Psikhologicheskie i klinicheskie aspekty strakha, trevogi i fobiy* [Psychological and clinical aspects of fear, anxiety and phobias]. Voronezh: Istoki.
24. Dementiev, V.M. (n.d.) *Nevol'niki dvadtsatogo veka* [Slaves of the twentieth century]. [Online] Available from: <http://kniga.pmem.ru/1-7-nevolniki-dvadcatogo-veka.htm>. (Accessed: 27th July 2016).
25. Kasvin, I.T. & Shchavalev, S.P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [The analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+.
26. Arers, F. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [Man facing death]. Translated from French by V. Ronyan. Moscow: Progress, Progress-Akademiya.
27. Mamardashvili, M. (2011) *Soznanie i tsivilizatsiya* [Consciousness and civilization]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.